

Не прошло и много времени, как Шу Сяньюй, только что проснувшись в отеле, вышла из ванной, приведя себя в порядок. Взяв телефон и увидев сообщение, она почувствовала, словно на сердце навалилась глыба весом в тысячу цзиней. Не раздумывая, она тут же набрала номер.

— Ты уже вернулась?

Си Молинь встала и бесшумно подошла к окну, тихо ответив:

— М-м.

— Значит, мы теперь вряд ли сможем видеться?

— Нет, я все равно смогу часто тебя видеть.

Шу Сяньюй вздохнула:

— И то верно... А как же ты? Как мне увидеть тебя?

Си Молинь слегка поджала губы, ее взгляд стал печальным. Она мягко произнесла:

— Я всегда здесь...

Шу Сяньюй все поняла. Действительно, она всегда оставалась на том же месте, никуда не уходя.

— К тому же я пообещала папе Жуну, маме Ян и Сянцзюню, что буду чаще приезжать домой. Мы... мы еще увидимся.

Раз в год или несколько раз в год.

Она уже приняла решение: как только выпадет длинный отпуск, она будет возвращаться в Цичжоу, чтобы побыть с родителями Шу. В конце концов, эта поездка домой наконец-то помогла ей развязать узел в душе. С этих пор она будет исполнять роль примерной сестры и никогда больше не переступит черту.

— Береги себя, слышишь?

— М-м, обязательно... И ты тоже.

Казалось бы, самый обычный разговор, но Шу Сяньюй невольно прослезилась. Сердце

сжималось от невыносимой горечи — она словно чувствовала, что назад пути уже нет.

— Момо, давай будем чаще созваниваться, ладно?

— Хорошо.

— Прости меня за все, что было в прошлом...

В конце разговора остались лишь эти извинения, которые уже не имели никакого смысла.

Си Молинь тихо вздохнула:

— Сестра, в чувствах нет правых и виноватых. К тому же нам обоим пора отпустить прошлое.

Шу Сяньюй подняла голову, в горле стоял ком:

— Я знаю...

Помолчав некоторое время, Си Молинь снова негромко спросила:

— Сестра... ты любишь его?

Этот вопрос заставил Шу Сяньюй на мгновение замолчать. Она ведь должна испытывать симпатию к Лю Лоцину? По крайней мере, это помогает избежать лишних сплетен в индустрии развлечений.

— М-м... с ним мне довольно легко и приятно.

Ее легкий, естественный ответ заставил Си Молинь опустить глаза и горько усмехнуться. Она знала ответ заранее, но все равно не хотела сдаваться. Раз ей хорошо, раз они любят друг друга — значит, проблем нет. Она не хотела, чтобы сестра заставляла себя быть с нелюбимым человеком только ради того, чтобы заткнуть рты окружающим.

Преодолевая пронзительную боль, она ответила все тем же ровным голосом:

— Это хорошо. Главное, что ты счастлива.

— Момо...

Ее голос звучал так же нежно, как и раньше.

— Да...

— Если... если сможешь, не закрывай свое сердце. Найди того, кто тебе нравится, и живи с ним...

Сянцзюнь была права. Раз она не может быть с ней, зачем заставлять сестру мучиться привязанностью? Только слова, сказанные ею самой, могли заставить ее окончательно сдаться и отпустить.

Си Молинь крепче сжала телефон, в глазах заблестели слезы. Она мягко ответила:

— Если встречу, я так и сделаю...

Если это поможет ей успокоиться, если это подарит душевный покой папе Жуну и маме Ян, то, возможно, в будущем она действительно найдет кого-то по душе и будет жить обычной, мирной жизнью.

— Момо, береги себя там...

Ее эгоизм не изменился даже спустя столько времени.

— Сестра, ты тоже будь счастлива...

Она искренне желала ей исполнения всех желаний. Даже если им не суждено стать возлюбленными, она не хотела, чтобы сестра была несчастна.

— М-м.

— Тогда... на этом закончим.

Она благословила ее на счастье с Лю Лоцином, а та надеялась, что сестра найдет своего человека. Они обе выбрали путь прощения. Это был другой вид примирения — по крайней мере, они больше не будут избегать встреч и полностью терять связь.

— М-м, пока.

— Пока.

Си Молинь услышала, как та закончила разговор, посмотрела на короткую длительность вызова на экране и нажала красную кнопку.

Редкий гармоничный диалог, наполненный бесконечным отчаянием. Казалось, будто в сердце вонзили бесчисленные ножи, и невидимые раны мгновенно залились кровью. Она наконец-то собственными руками вырезала то место, которое когда-то было полностью занято ею.

Она обессиленно сползла на пол, прислонившись спиной к стене. Склонив голову и сжав кулаки, она больше не могла сдерживать слезы — они хлынули, словно прорвавшаяся плотина. Оказывается, притворство — самая тяжелая вещь на свете.

Она все-таки нашла свою любовь...

Ее благословение, быть может, не имело большого значения, но оно действительно могло перерезать все нити навязчивых мыслей. Боль была настоящей, но и освобождение — тоже. Отпустить можно было в одно мгновение.

Она искренне хотела, чтобы та была счастлива, чтобы всегда радовалась жизни и достигла всего, о чем мечтала, даже если в этих мечтах не было места для нее самой...

Шу Сяньюй сидела на краю кровати, слезы уже намочили ее бледные щеки, придавая ей потерянный и одинокий вид.

Им обоим следовало научиться отпускать.

В течение следующего года карьера Лю Лоцина благодаря шумихе вокруг отношений с Шу Сяньюй достигла новых высот. Новости о скорой свадьбе пары постепенно распространялись в сети, вызывая бурные обсуждения среди пользователей.

Студия Шу Сяньюй не давала комментариев по поводу слухов. Сейчас она была поглощена съемками в крупном городском проекте в Хайши. В сентябре стояла невыносимая жара, и после обеда в прохладном трейлере она готовилась к следующей сцене.

В этот момент Чэн Чэнь, просматривавшая новости в телефоне, внезапно вскрикнула:

— Сестра Юй, в уезде Лудин только что произошло землетрясение магнитудой 6,8...

Эти слова прозвучали как удар грома.

Лицо Шу Сяньюй мгновенно побелело. Она выхватила телефон, чтобы проверить новости.

Глубина очага — 16 километров, эпицентр — уезд Лудин, недалеко от города Цзяньян. Она в панике начала искать номер Момо. Руки не слушались и дрожали. Она набрала номер, но телефон был выключен.

— Ну что за упрямица, телефон отключила...

В ее голосе сквозила крайняя тревога. Она тут же позвонила отцу, надеясь хоть что-то узнать, но Шу Юньжун тоже ничего не знал — связь там была плохая, к тому же шли спасательные работы, и выйти на кого-то было крайне сложно.

Однако, несмотря на опасность, современные средства спасения были во много раз эффективнее, чем во время землетрясения 2008 года. Шу Юньжун попросил ее не волноваться: он сам обучал Момо, у нее богатый опыт в подобных операциях, так что все должно быть в порядке.

Раз так, Шу Сяньюй, несмотря на терзавшее ее беспокойство, могла лишь ждать.

Тревога изматывала, но она продолжала профессионально работать на съемочной площадке, не показывая вида.

Землетрясение в Лудине было сильным и разрушительным. Шу Юньжун, беспокоясь как о ситуации в зоне бедствия, так и о безопасности Момо, потратил два дня на сбор припасов и оборудования, а затем вместе с несколькими старыми сослуживцами на машине отправился в город Яань.

После пяти часов вечера Шу Юньжун, благополучно добравшись до Яаня, передал весточку: отряд, в котором служила Момо, сразу после первых толчков отправился в самый эпицентр, и теперь было невозможно узнать, где именно они находятся.

В сети ежесекундно обновлялись данные о ситуации. Увидев, что землетрясение вызвало оползни в горных районах, из-за чего обрушились дома и многие люди оказались погребены под завалами, Шу Сяньюй окончательно потеряла покой. Она больше не хотела сниматься, ей хотелось немедленно лететь в Лудин.

Чжао Хун, узнав о ее намерениях по телефону, в панике бросил все дела и поспешил в Цзяпань Ланьвань, где жила Шу Сяньюй.

Высокий, статный, в стильном деловом костюме, с короткой стрижкой и в очках в черной оправе, Чжао Хун стоял перед панорамным окном в гостиной и смотрел на нее, сидевшую на диване, обхватив колени руками. Он сказал с тяжелым выражением лица:

— Ты не слишком ли сильно переживаешь? Там столько пожарных и военных участвует в спасении, их семьи ведь не мечутся так, как ты.

Шу Сяньюй понимала, к чему он клонит, но в этот раз ее охватило необъяснимое дурное предчувствие.

— Сяньюй, успокойся, пожалуйста. График съемок и так плотный. К тому же твой отец там, если что-то случится, он сразу же даст тебе знать, — Чжао Хун подошел к ней и попытался утешить.

Шу Сяньюй опустила голову и глухо произнесла:

— Я очень скучаю по ней...

Все эти годы она редко позволяла себе думать о ней, а если мысли и возникали, старалась занять себя чем-то другим, боясь, что не выдержит и сорвется к ней.

Чжао Хун нахмурился, его взгляд стал жестким:

— О чем ты вообще думаешь? Вы расстались так давно. А как же Лю Лоцин? Разве он тебе не нравится?

— Я думала, что смогу забыть. Думала, что найду ей замену. Но только сейчас поняла, что это невозможно. Я все это время просто обманывала сама себя.

За эти дни она передумала слишком много того, что раньше не хотела замечать.

Четыре года, что они были в разлуке, ее сердце ни к кому не тянулось. А во время съемок с Лю Лоцином она заметила, что его глаза так похожи на глаза той глупой деревяшки.

Она знала, что он испытывает к ней симпатию, а может, его привлекало ее влияние в индустрии. За десять с лишним лет карьеры она ради пиара постоянно крутила фиктивные романы с партнерами по фильмам, но ни один из них не был правдой.

А та ночь с Момо словно вскрыла старую рану. В порыве импульса она решила, что пора попробовать начать новые отношения...

Но результат оказался совсем не тем.

Он, в конце концов, не та глупая деревяшка. Он не может ее заменить.

За этот год отношений у них с Лю Лоцином не было никакой близости. Кино и реальность — разные вещи. Она инстинктивно чувствовала отторжение и неприязнь к нему.

Она давно думала о том, чтобы найти подходящий момент и объясниться с ним. Дальше тянуть — значит причинять боль обоим.

Чжао Хун схватился за голову:

— И что ты собираешься делать сейчас? В сети уже вовсю обсуждают вашу скорую свадьбу. Твоя репутация в индустрии безупречна. Неужели ты хочешь, чтобы все узнали, что ты не только любишь женщин, но эта женщина еще и твоя названная сестра?

Да, могла ли она?

Раньше она не могла, а сейчас?

Будучи публичной фигурой, стоило ей совершить хоть одну непростительную ошибку, как она лишилась бы всего: славы, ролей, обожания фанатов, репутации, денег. Могла ли она от всего этого отказаться?

Хотя она уже тайно сделала много инвестиций и не зависела от гонораров за съемки.

Чжао Хун увидел, что она молчит, и понял, что она колеблется. Он смягчил тон:

— Сяньюй, сейчас просто хорошо играй свою роль. О сестре я распоряжусь, чтобы следили. Что касается свадьбы с Лю Лоцином, обдумай все как следует. Я уважаю твое решение. Будь то расставание или свадьба, когда придет время объявлять, выберем подходящий момент. Не принимай поспешных решений, обсуди со мной, я подготовлю пиар-отдел.

— Хорошо, я поняла.

— У меня дела, я пойду. Приди в себя и свяжись с режиссером Чжаном, не заставляй их ждать.

Когда Чжао Хун ушел, Шу Сяньюй осталась сидеть на диване, терзаемая сомнениями и печалью.

С тех пор как они расстались после ее отпуска, они больше не виделись. Иногда переписывались в WeChat, но лишь обменивались парой сухих поздравлений по праздникам.

Открыв их переписку, она увидела, что, кроме поздравлений, они по молчаливому согласию даже не принимали друг от друга праздничные конверты с деньгами.

Одна боялась, что сумма слишком велика, а другая — что если она примет, то у той не останется денег на жизнь.

Позже они перестали слать конверты вовсе, а последняя запись была на праздник Дуанью:

Мо: Сестра, с праздником Дуанью.

Юй: Спасибо, и тебя с праздником.

Юй: Ты ела сегодня цзунцзы?

Мо: Ела, со свиной и желтком, съела два. А ты?

Юй: Я съела с красными финиками.

Мо: Я уже отпросилась на праздник середины осени.

Юй: Хорошо, тогда вместе поедem домой к родителям.

Мо: Хорошо.

Юй: Береги себя, не травмируйся.

Мо: Обязательно, и ты береги себя.

Юй: Будем на связи.

Мо: Хорошо.

Краткие и вежливые сообщения стали их привычным форматом общения. Никто не хотел лишний раз затрагивать чувствительные темы, чтобы не вызвать недопонимания, даже если это было неискренне.

Шу Сяньюй выключила телефон. Она верила, что Момо будет в безопасности. Когда все закончится, они вместе вернутся в Цичжоу и встретят праздник середины осени в кругу семьи...

<http://bllate.org/book/21505/2204355>